

ПОВЕСТЬ О РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

В последнее время я часто думаю о «Повести о русском человеке». То есть я думаю, что нет сейчас ничего важнее такой книги, и удивляюсь, почему ее до сих пор нет. Неужели это неинтересно? И даже не о русском человеке вообще, с этим как раз более-менее понятно, но о русском свободном человеке.

Я даже начал копить какой-то материал по этому поводу, собирать в папочку надерганные в интернете факты. История, религия, политология, гиганты мысли о русском вопросе... И все больше понимаю, что в этом мало проку. Копать, если хочешь до чего-то докопаться, надо начинать в себе. Но достаточно ли сил и сердца у тебя для этого?

Думаю, я ее все-таки напишу, повесть. Или — не напишу, не успею. Как не успели многие из подступавшихся к ней великих людей, не мне чета. А вот почему-то не написали — не успели, не захотели или не справились. Не потому же, что их нет, свободных русских людей? Это было бы обидно и неправильно.

За лето Шурик неожиданно вырос. Был маленький, стоял все время где-то в середине строя, и вот на линейке оказалось, что его место — в голове колонны, рядом с длинным Захаровым. Шурик еще не успел подстричься, то есть нарочно пришел на линейку нестриженным, волосы у него за лето выгорели, и Шурик, представлявший себе кем-то вроде актера Видова из «Всадника без головы», был, конечно, смешон — худой, как одуванчик, с соломой волос и длинными руками и ногами.

То есть он был еще ребенок, и вот это ощущение себя ребенком, несмотря на длинный рост, Шурику хорошо запомнилось. Потому что многие ребята, одноклассники, за лето не выросли, но возмужали.

Шурик стоял во главе колонны и привыкал к новым ощущениям. Оказалось, это не так просто — стоять во главе. Хотелось скрыться с глаз учителей и затеряться на привычном месте, в середине.

Теперь Шурик находился дальше чем обычно от Аленки Гокковой, но, даже не оглядываясь, чувствовал ее присутствие. И ему делалось приятно и тревожно, как всегда, когда рядом была Аленка.

Слева от них стоял 9-й «Б». Шурик помахал знакомым. Помахал отдельно хулигану Славке Голикову. Тот кивнул. Во главе «бэтиков» стоял, лицом к ребятам, парень в форменной одежде, с алыми, как грудь у снегиря, погонами. Это был Вовка Третьяков, суворовец. Странная, интересная история. Суворовцами были дети, чьи отцы погибли на войне. А отец Вовки Третьякова был не только жив, он был главой района! Высокий, Вовка улыбался и зачесывал расческой назад волосы.

Речи ораторов закончились. Парень из выпускного класса посадил на плечи первоклассницу, и они прошли в большие двери школы. Хлынули к крыльцу колонны школьников. В традиционном, установленном сто лет назад порядке: младшие классы, средние и старшие. Под предводительством классных руководителей они втекали в двери старой двухэтажной школы.

Менялось все, но дверь все годы оставалась прежней. Ее только красили каждый год свежей голубой или зеленой краской и обшивали снизу стальными листами. Той же была и деревянная дверная ручка — ее цилиндр до блеска отполировали и истерли, утончили ладони десятков тысяч школьников.

Прошел 9-й «А», уползал в дверь 9-й «Б». Шурик с Захаром повели колонну «вэтиков». С крыльца им улыбался белыми железными зубами несменяемый директор школы химик Дудников. Дудников улыбался только раз в году — 1 сентября.

Неожиданно колонна встала. Хвост «бэтиков» не втягивался в дверь. Толпа девятиклассников обтекла Шурика с Захаровым и запрудила крыльцо, оттеснив их классную Альбину Тимофеевну. Сзади наперли. Шурик, едва удержавшись на ногах, ввалился в тамбур.

Тамбур, глухая проходная комната с высоким потолком, был забит школьниками, втиснутыми в стены помещения. Они образовали круг, а посредине круга бились Третьяков и Славка Голиков. Они били друг друга по лицу, головы дергались, и странно, что ни тот ни другой не пытались защититься, а методично, как по договоренности, обменивались страшными ударами. Славка был бледный, а у Третьякова на щеках играл румянец. У обоих по лицу бежала кровь. У Третьякова лопнула губа, а Славка вытирал разбитый нос.

Шурик с восхищением и ужасом смотрел на Третьякова. Третьяков был спортивный парень. Но что он мог предъявить Славке Голикову! Хулиган Славка крутил солнышко на турнике и имел треугольную фигуру закаленного бойца.

А — мог. Они били друг друга, время шло — оно будто остановилось в тамбуре, — и треугольный Славка явно недоумевал, почему сын главы района не свалился до сих пор ему под ноги. И, кажется, не собирается бежать.

Наконец в тамбур втиснулась Альбина Тимофеевна и бросилась, повисла на плечах у Славки Голикова. Включился звук: до этого никто не произнес ни слова. Только тупые мерные удары, от которых у парней дергались головы. Классная завизжала, как девчонка, оттесняя Голикова, и следом в тамбур влетел с перекосенным лицом директор Дудников. Вовку со Славкой повели к учительской. А «Б» и «В» пошли на лестницу.

Долго не приходила классная. Потом пришла и поманила к двери Настю Воробьеву.

Славка и Настя дружили с шестого класса. А с восьмого Настя стала бегать за сыном главы района Третьяковым.

Воробьева была смуглая худая маленькая женщина. Если ее вызывали к доске и она не знала урока, Воробьева молча поднималась и стояла, опустив глаза.

— Что, Воробьева? Не готовы? — спрашивал учитель.

Настя молчала.

— Воробьева! Что с вами? Больны?

Настя кивала головой.

— Чем вы больны?

Воробьева вскидывала темные глубокие глаза:

— Я вам потом отдельно объясню.

— Да не надо мне ничего объяснять! — пожимал плечами учитель, мужчина или женщина. — Садитесь...

Вернулась Альбина. Школьников распустили по домам. Шурик ушел и сел на лавку в сквере. Драка не выходила у него из головы. Третьяков дрался, будто он не знал, что Голиков известный хулиган. Что шансы белокожего Володьки перед грозным треугольником равны нулю.

И, оказалось, он был прав! Чем бы ни кончилась та драка, Третьяков в ней уже победил, когда ударил в ответ, и у Славки дернулась, как будто отлетела, голова.

Шурик подумал, что Володька Третьяков, вообще-то, всегда, в любых обстоятельствах, со всеми был самим собой.

Дорожка из асфальта через сквер с сиренями вела на школьный стадион. Далее по тропинке можно было подойти к забору и через высокое крыльцо выйти на улицу Садовую. На этой улице жила Аленка Гокова.

Шурик сидел в сквере и ждал. Но на дорожку вышел Славка Голиков. Прошел, не замечая лавку с Шуриком.

— Славян! — сказал Шурик.

У Славки была своя жизнь, в которой школа, кажется, играла совсем незначительную роль.

— Что Дудников? — сказал Шурик.

Славка махнул рукой. Правильный, острый треугольник, основанием развернутый вверх, к голове. Заправленная в брюки белая рубаша пузырилась на спине. Шурик подумал: смог бы он схватиться с Голиковым?

Два года назад Шурик был влюблен в Маринку. Однажды они

в пионерском лагере остались вдвоем, мыли окна в спальном корпусе. Шурик стеснялся и никак не проявлял свою любовь. И туда вдруг пришел девятиклассник Дёма и начал хватать его Маринку. Шурик не помня себя бросился на Дёму.

То есть, если любишь, то не думаешь. Но Славка с Вовкой, кажется, дрались не из-за Насти. Из-за чего-то еще били они друг друга в лицо так, что кровь летела во все стороны.

Странно, подумал Шурик, но Славка и Вовка, антиподы, были поразительно похожи. То же, что выделяло Вовку из других, было у Славки. Как будто вывернутое наизнанку, но — оно.

Шурик сидел и думал о том, что он не забудет драку в тамбуре, звуки ударов, брызжущую кровь. А еще больше не забудет восхищения от этой драки и вопросов, что пришли Шурику в голову. Вопрос, собственно, был один.

Почему, если два свободных человека встретятся, то обязательно подерутся? Шурик не ставил вопрос вот так прямо, но он его чувствовал. Он восхищался Вовкой и Славяном, но сам не хотел быть ни Славяном, ни — тем более — Володькой. Уеду, неожиданно подумал Шурик. Кончу школу и уеду навсегда отсюда.

Очередной класс с шумом вывалился из дверей на улицу. Потом шум стих — будто волна ударила, легла на берег и ушла в песок.

Черта с два вам, подумал Шурик. Черта с два.

ВЕЧНЫЙ ЦЕЙТНОТ

I.

Э то было незадолго до Большого Взрыва. Пришел с работы мой сын, двадцатилетний балбес — еще более бессмысленный балбес, чем я в его годы. Я в его годы все-таки был уже женат, сам зарабатывал себе на жизнь, имел комнату в общежитии и какую-никакую, но цель в жизни.

Сын не имел никаких целей, сутками сидел за компьютером, то есть с девчонками замечен не был, а на работу мне удалось его

выгнать только пару месяцев назад, и то лишь потому, что в доме кончилось продовольствие. На службе сыну полагался продуктовый суточный пакет.

Сын пришел чем-то расстроенный, я заметил это и спросил, в чем дело. Нехотя сын рассказал. В их департаменте учили надевать противогазы. А расстроило сына то, что лектор рассказал о нацеленных на наш город американских ракетах.

— Ну, правильно, — сказал я сыну. — Только не на город, а на Крюково. Но это один хрен. Там стоят наши ракетчики. Видел по дороге к даче указатель — Крюково? Семь километров в лес. Если пальнут, то мало не покажется.

— Э-э! — сказал я сыну, увидев, что он расстроился еще больше. — Никто по нам не пальнет, не бойся. Наоборот, гордиться надо, что это у нас стоят, а не где-то. Ядерный щит Родины, сынок!

Это я так сказал, для профилактики. Но какая, в самом деле, была разница, где кто стоит! Шарик настолько мал, что не имело ровным счетом никакого значения, семь километров до части РВСН или семьсот.

— Не скажи, — сказал Марк. Мы сидели за бутылкой выгнанного им напитка. Кандидат биологических наук Марк Гдальевич гнал самогон из облепихи и даже, кажется, умудрялся обходиться без сахара. Маркус был голова, а облепихи росло море у него в саду. Мы были с Марком соседи не только по лестничной площадке, но и садоводства наши были рядом.

Это по протекции соседки, жены кандидата, нам удалось устроить своего балбеса на работу. После знаменитой Второй, или Осенней, волны кризиса только в виртуальном пространстве еще что-то происходило, что-то еще надо было обрабатывать и передавать данные наверх. Работали, разумеется, только государственные учреждения, но именно в таком служила жена кандидата. Нам крупно повезло с соседями.

— Все имеет значение, — сказал Марк. — Даже небольшая горка. Одно дело, если шарахнет, а ты стоишь в степи, другое — если успел лечь за горку.

— Брось ты! — сказал я. — Какие горки! Один пепел на сотни километров.

— Смотря какая бомба. Но в принципе в пяти км от эпицентра уже можешь выжить. Если спрячешься за горку. А еще лучше — в норку...

— И не пепел, а, скорее, расплавленное стекло, — добавил Марк. После того как мы выпили облепиховой и закусили капустой. Морской: это уже из моих запасов. — Там еще большое значение имеет сила ветра. При взрыве мегатонной бомбы в трех километрах от эпицентра сила ветра будет пятьсот километров в час, а в шести километрах — вдвое меньше.

Уже тогда мне показались странными вот эти глубокие познания Марка. Мы с ним оба были неглупые люди, но я таких подробностей не знал. Ну и что, что он кандидат? Он же — биологических наук, а бомбы и ветер были не его специальностью.

Хотя люди уже очумевали от безделья и были напичканы разным информационным мусором. Что касается меня, то я старался даже телевизор смотреть редко. Мое душевное состояние того времени можно описать так. Если раньше, в молодые годы, я смотрел в окно, как вот сейчас с Марком, видел там голубое небо с облаками и понимал, что эта Земля и это небо вечны, а я, увы, конечен, то теперь мои ощущения странным образом переменились. То есть теперь я чувствовал, что этот мир, наоборот, конечен, и что конец не удален от нас на миллионы или даже миллиарды лет, а где-то рядом. Совсем близко. Сам я при этом, как ни странно, вечен.

Сын ушел к компьютеру, а мы с Марком продолжили разговор. Наши участки были рядом, и я часто подвозил Марка к воротам его садоводства, но мы были совсем разные дачники. Половину своего участка я закатал в асфальт, а другую половину засеял газоном. Это и была цель моей жизни — загородный дом. Вернее, так: сначала семья, потом автомобиль, потом квартира в городе. И, наконец, хороший загородный дом.

Можно сказать, что к сорока годам мои мечты исполнились. Теперь мне было пятьдесят. Кандидат звал меня Петровичем. Я звал его Марцелла, Маркус. Марк был всего на двенадцать лет моложе, но все равно как бы уже другое поколение. И я уже лет двадцать понимал, что жизнь фактически профукана.

В кухню снова заглянул — или лучше сказать, ворвался — сын. Обычно он всегда спокоен, флегма. Одно время это страшно возмущало меня. Вероятно, он был в мать. Я, как вы уже, наверное, поняли, хотел видеть другого сына: кого-то вроде идеального меня, каким я собирался быть. Теперь я понимал, что глупо ждать от сына того, чего не сумел или не захотел я сам. Они такие же, как мы.

— Папа! — сказал он, и я испугался. Он давно называл меня «отец», и, повторяю, он был флегма. Должно было произойти что-то необычайное, чтобы он обрадовался или огорчился. Меня и так уже удивил его вид, с которым он пришел домой из департамента.

— В Туле восстание, — сказал ребенок. Голос у него сорвался.

— Тьфу ты, — сказал я. — Напугал. Я уж подумал, в самом деле что-нибудь случилось...

Однако я заметил, как побледнел и потянулся за моими сигаретами Марк. Обычно Марцелла не курил.

— Там все серьезно, — сказал сын. — Убиты сорок тысяч человек. Город бомбят, с земли сбивают самолеты.

— Началось! — сказал Марк и странно ухмыльнулся. Как будто он обрадовался, что в Туле убиты сорок тысяч человек и там идет война.

— Включай ящик, — приказал я сыну, все еще не веря, что в стране может случиться что-нибудь особенное.

В кухне был маленький телевизор. Мы его нервно включили, таращась в еще пустой экран, как будто что-нибудь зависело от этого ящичка в сером пластмассовом корпусе. Наконец замелькало. В новостной программе НТВ показывали транспортное происшествие на Кольцевой. На остальных каналах тоже ничего про Тулу не было.

В этот же вечер перестал работать интернет. События развивались стремительно. Так быстро, что трудно было что-нибудь понять. У нас волнения начались на другой день. Люди вышли на улицы. Толпу на площади у памятника Ленину заводили молодые леваки и коммунисты. Вернее, коммунистки: несколько известных всему городу пожилых теток, прославившихся своим

бесстрашием и бестолковостью. Они бы долго кричали о тарифах, грозя небу сухонькими кулачками, если бы не группа молодых людей, человек в сто, молчком направившихся с арматуринами прямо к зданию Правительства.

Я был в толпе, хотя разумней было оставаться дома. Грозная сила вытащила меня, как за шкурку, в эпицентр событий. Полиция разбежалась сразу, побросав щиты и палки, только появились те решительные молодые люди. Начался погром. Запомнилось, с каким ожесточением и радостью громили Дом правительства его работницы — такие же, как бабы с улицы, простые тетки. До убийств дело не дошло. У нас вообще народ спокойный, не Тула. Ночью горели магазины, мэрия, особняки и почему-то Дворец спорта.

Боевые действия велись в Москве и в миллионниках. Там власть оказалась подготовленной к событиям. Но тоже все закончилось печально для нее и быстро.

Вечером выступил по телевидению с обращением к народу Чрезвычайный Президент. Поздравил народ с победой над силами зла. Сказал, что члены сбежавшего продажного правительства и олигархи арестованы в странах прибытия немедленно по выходу из самолетов. Это понравилось нам с кандидатом. Мы за это выпили облепиховой.

Теперь работы не было ни у кого. Мы ели совершенно уже невозможные продукты, какую-то травку, корни, собранные в парке. Выменивали сухари на рынке за обручальные кольца. Надо было ехать на дачу за зеленью — если ее не съели окрестные жители или ракетчики. Но ехать было не на чем, бензина не было. А общественный транспорт после победы над силами зла уже не ходил. Он не ходил и раньше, но как-то еще можно было добраться до Крюково. Теперь он не ходил совсем.

Зато появились деньги. Невероятно: деньги сбрасывали с вертолетов! Над городом кружили военные вертолеты и разбрасывали пачки денег. Это были настоящие российские рубли, от которых мы отвыкли и теперь рассматривали их, улыбаясь, как дети. Только они ничего не стоили. На них ничего нельзя было купить. У жены кандидата накануне вброса денег с вертолетов оставалась

сотня (триста граммов муки или стакан сахара), на самый черный день. И вот он наступил!

В мире происходили странные события. Из транзистора Марцеллы мы узнали, что на Курилах высадился полк японской самообороны. Что наши кавказские республики уже не наши. Мы даже не поняли, чьи они. Снова заволновались Тула и Рязань. Там опять шли бои.

Мы видели, как с каждым выступлением по телевизору меняется в лице наш Чрезвычайный Президент. Однажды он сказал, что бывший президент России и члены ее продажного правительства выпущены правительством Соединенных Штатов на свободу.

— Братья и сестры! — сказал Чрезвычайный, опуская глаза, уводя их в сторону от камеры. — Нас, кажется, предали...

Можно подумать, что с начала беспорядков прошло много времени. Да нет! Вечером третьего дня после Победы над силами зла к нам постучался Марк.

— Петрович! Я нашел бензин!

В руке у Марка была двадцатилитровая канистра.

— Хватит?

До Крюково по федеральной трассе — сорок верст. Хватило бы и десяти.

Утром мы ехали по трассе, выбравшись из города без приключений. Попалось несколько остовов сгоревших машин. Пост ГАИ за мостом был разорен. Слева от трассы на высокой насыпи стояла электричка с выбитыми стеклами. Ветер мотал в окнах вагонов занавески.

Было свежо, ночью над городом прошла гроза. Я включил радио. В Москве объявлено о высылке посла Японии. Нота протеста вручена послам Китая и Соединенных Штатов.

— Мать-перемать! — прокомментировал Марк с заднего сиденья. Рядом со мной сидела жена Марка Хава. Я смотрел прямо и старался не косить глаза на круглые коленки жены Марка.

Охраны в будке у ворот моего садоводства не было. Было заметно, что Мамай по хижинам уже прошел. Несколько домиков сгорели.

Людей не было видно. Я как раз ожидал, что людей будет много. Но людей не было. В ограде моего участка стало ясно почему. Грядки были разорены. Дверь в дом болталась на одной петле. Хава заплакала. «Хорошо, что не взял жену», — подумал я.

— Поехали ко мне, — сказал Марк. Он был странно возбужден.

— А смысл? — сказал я. Все было понятно.

— Есть смысл. Поехали!

Я знал, что в садоводстве Марка нет охраны. Уже несколько лет у них дежурили дружинники. Это были, как правило, военные пенсионеры. Тот, кто не мог дежурить, платил. Марк предпочитал платить.

С горки был виден триколор, мотающийся на ветру на крыше в глубине домов.

— Ага! — довольно сказал Марк. — Значит, Серега Панченко.

Из домика никто не выходил. Я посигналил. В окне шевельнулась занавеска. Марк вылез из машины и, дурачась, поднял руки вверх:

— Сдаюсь, майор!

На крыльцо вышел мужик с автоматом. Пригляделся.

— А! Здорово, академик!

Панченко выглядел испуганным. Они поговорили с Марком. Да, шалят. Война! Недавно пришлось вступить в перестрелку с местными абреками.

— Не знаю, как там у тебя. Давно не патрулируем.

Марк жил на 22-й линии, недалеко от Панченко. Мы обогнали двух бомжей, бредущих по обочине. В нескольких огородах мы заметили людей с мешками, они поворачивались спинами. Видимо, было еще что украсть.

Дверь в доме Маркуса висела на обеих петлях, но была открыта. Марк рассмеялся:

— Это ерунда! Вперед!

Мы прошли в дом. В жилище поработали разбойники. Если здесь было что-то ценное, оно было унесено. Но что могло быть ценного в жилище дачника? Особенно после Второй волны. Забрали, как сказала Хава, часы и одежду, одеяла, чайник. Исчез маленький самогонный аппарат Марка.

Марк ловко поддевал выдергой доски пола. Под досками образовался люк. После того, как Марк проделал с ним какие-то манипуляции, люк отошел, бесшумно, в сторону.

— Прощу! — сказал довольный Марк.

Я заглянул в люк. Вниз вели блестящие железные ступени — по такой лесенке пловцы спускаются в бассейн или выходят из воды.

Марк закрыл дверь, и мы полезли в люк: Марк, я и за мной Хава. Щелкнул выключатель. Мы находились в довольно большой квадратной комнате. В центре была чугунная подпорка. По краям бункера стояли агрегаты пока непонятного мне назначения, двухъярусные нары, полки. Мне вспомнился старый, еще нецветной художественный фильм «Армия Трясогузки», где оборванцы, беспризорники, попали на склад с продовольствием.

Полки в бункере Маркуса ломились от продуктов: тушенка и сгущенка, рыбные консервы. Макароны, крупы. В темноту уходили бутылки с водой.

— Как тебе удалось это сохранить? — спросил я. Трудно было не поддаваться искушению, не начать поедать еду немедленно.

— Это НЗ, — сказал Марк. — НЗ не едят. Только когда придет Пушной зверек.

Марк посчитал нужным провести экскурсию.

— Электроручной вентилятор, — показал он на круг с громадным рычагом. — Кончилось электричество — пожалуйста к ручке... Вентиляционные камеры, это из ГО-шных убежищ.

— Украл?

— Зачем? Они с девяностых стоят разоренные. Вынесли за бутылку облепиховой... Обрати внимание: велогенератор с автомобильными аккумуляторами. С утра покрутил, для профилактики — запас электричества на сутки.

— На случай ядерной войны?

— А что тут смешного? — Марк посмотрел на Хаву, положил ей руку на плечо. Хава кивнула. — Абсолютно автономное убежище, рассчитанное на два года. Год, во всяком случае, продержимся.

Марк подключил системы жизнеобеспечения. Пускай, пока мы тут, продует, сказал Марк. Приглядевшись к обстановке,

я заметил, что бункер Марцеллы стилизован под советское учреждение. Висела политическая Карта Мира с красной территорией СССР на правом полушарии. На тумбочке стояла радиола рижского завода — кажется, такие назывались «Ригонда». Холодильной камерой был холодильник «Зил»... Я поискал глазами. И нашел: на стене над зеленым сукном двухтумбового стола висел портрет Ильича Первого.

— Собери суточный пакет, — сказал Марк Хаве. — Два пакета.

Мы с Марком вышли на крыльцо. Тучи окончательно рассеялись, выглянуло солнце. Сразу за 22-й линией начинался реликтовый бор. Сказочное место.

— Ты это всерьез? Насчет войны? — спросил я Марка.

— Если ружье висит на стене, оно обязательно выстрелит, — помолчав, сказал Марк. — Оно висит уже семьдесят лет. Висит хреново, на одном гвозде. А сейчас и вовсе закачалось. Ты разве не видишь?

Я видел. Но я знал и другое.

— Это самоубийство, Марк, — сказал я. — Кому это надо? Сколько ты вложил в эту берлогу?

— Четыре года строил — сказал Марк. — Когда стало ясно, что Пушной зверек придет.

— Лучше бы ты тушенки побольше купил, — сказал я.

И в это время в воздухе раздался звук. Как будто гроза вернулась, и, низкий, прошелся вдаль, после разряда молний, гром. Обложив горизонт и распугав ворон. Из пустого голубого неба выскочил, как всегда неожиданно они выскакивают, самолет.

— Какой-то странный самолет, — сказал я.

Самолет, похожий на болванку, с короткими крыльями, стремительно удалялся в сторону Крюково. Затем появился второй самолет, третий... И скоро за бором ахнул взрыв. Красное облако огня вздыбилось на полнеба. Сотряслась земля.

— Это крылатые ракеты, — сказал Марк. — В укрытие!

В дверях стояла Хава с суточными пакетами и с деревянным Петухом в руках. За ней зияла дыра люка.

— В укрытие! — скомандовал Марк. — Оба!

— Это что, ядерные? — сказал я.

— Были бы ядерные, нас бы уже не было, — сказал Марк. — Ну, бегом!

Мы с Хавой проскользнули внутрь. Марк задвигал за нами люк.

— Я на минуту, до Сереги, — сказал Марк, когда я повернулся и успел увидеть в щели голову и руки Маркуса. Крышка захлопнулась. И в то же время лопнула Земля. Так показалось. Кубарем я полетел вниз с лестницы. Через меня прошло громадное тепло. Пронзило и ушло куда-то дальше, в пол. А затем Земля раскололась еще раз. Все погрузилось в жар и мрак.

Иногда я думаю, зачем Марк показал мне бункер. Он ни слова не говорил мне об убежище под дачным домиком до того дня, когда пришел, как говорил Марк, Пушной зверек. То есть Писец. ПП — Полный Писец. Мы, правда, сильно сблизились с Марком после Второй Волны. И, с другой стороны, как бы еще Марцелла с Хавой добрались до садоводства?

Понемногу я разобрался в хозяйстве Марка. Кое-что знала Хава, кое до чего допер я сам. Например, я догадался, что за штука висит в углу бункера, сразу за вентиляционной камерой. Покопавшись, я включил табло. Это был уличный дозиметр.

У нас с Хавой хватило ума не пытаться сразу выбраться наверх. Да мы бы и не сумели этого сделать. Марк обустроил лаз так, чтобы чайник не мог сдуру повернуть запоры люка и пустить внутрь смерть. Как будто он рассчитывал нарочно на меня.

Он только немного не рассчитал с часом П. Думал, у него еще есть время, рано еще уходить в убежище с концом, на год или на два.

Что все-таки случилось в тот злосчастный день? Из тех обрывков, что были услышаны нами по радио, мы поняли примерно следующее. НАТО атаковала наши ядерные силы, в том числе Крюковскую часть РВСН, крылатыми ракетами. Ядерный арсенал России уничтожили. Только не весь. Секретный, в космосе, у нас висел козырный туз. Над территорией Соединенных Штатов рванул спутник с водородной бомбой. Полностью закрыв Америку.

Мы не знали, что случилось с остальными. Последней выходила на связь с миром франкоязычная радиостанция из Конго. Переводить было не обязательно: Полный Писец и в Африке Полный Писец.

Только первые дни я казнил себя, что не взял в последнюю поездку сына и жену. Кто знал, что все так сложится? Сын, кстати, все равно бы не поехал. Он никогда не ездил с нами в садоводство, потому что в загородном доме не работал интернет. И сам я давно не любил свой загородный дом.

Когда я думаю о сыне, я печалюсь о другом. Я почему-то вспоминаю, как сердился на него за то, что сын не любит лыжных выходов. Случалось, что в субботу или в воскресенье мы с женой, как все добропорядочные люди, начинали собираться в лес. Типа мороз и солнце! Но сын упирался. Ни в какую! И мы, в общем, сердились, но вздыхали с облегчением. Ни я, ни она не любили лыж. Мы оставались дома, убивая время кто как мог. Черт его знает, почему я это вспоминаю.

Я вообще не помню время с тридцати до сорока пяти. Хотя я продолжал выполнять личный план. Последние пять лет я помню хорошо, и то лишь потому, что после сорока пяти я твердо знал, что все это не то. И это понимание конца, которое накатывало, стоило мне посмотреть в окно.

В бункере окон нет. Разбираясь в хозяйстве Марка, я понял, что Марцелла собирался вытянуть наружу трубу перископа, но не довел эту работу до конца. Теперь это было невозможно. Да и что бы мы увидели снаружи!

Я большую часть времени кручу педали велогенератора или копаюсь с запчастями к агрегатам. Или пишу свои заметки за столом, затянутым в зеленое сукно. Хава читает, вырезает деревянные скульптурки или шьет. Мы редко говорим. Или, бывает, говорим взахлеб.

Вероятно, вот в таких же — или покомфортней — бункерах сидят еще где-то по миру группы уцелевших идиотов. А, может быть, мы с Хавой остались вдвоем на планете. Возможно, мы должны стать новыми Адамом и Евой человечества. Если не сдохнем в вырытой своими же руками годовой могиле. Вернее, руками моего соседа Марка. Который знал, что Пушной зверь придет.

II.

Да, это было в год Большого Взрыва, когда из морей и океанов вдруг выросли стрелы молний, скоро опоясавших земной шар причудливой сеткой — как ударами плетью. Оказалось, что подводный мир кишел железными акулами, и вот наступил момент, когда они почти одновременно выплюнули ядерными жалами на сушу смерть.

Плети ударили и с суши. Долгожданный Конец Света наступил. Это почувствовал в эти минуты каждый на Земле. Люди вдруг поняли, что шутки кончились.

— О Господи! — кричали они, поднимая к небу руки. — О Великодушный!

Жаль, что они не видели в этот момент себя со стороны. Они то срастались в бурые большие пятна, то, как заряженные одинаково частицы, отлетали друг от друга. Будто бильярдные шары. Странно, но люди никогда не думают, что, объективно, ходят по Земле вниз головой.

— Спаси и сохрани! — молили они в своих разметаемых ядерным ветром, как картонные коробки, городах. Тьма заволакивала Землю — на короткое мгновение появились звезды и погасли. Для внешней стороны, если смотреть от звезд, погасла, превратилась в черную дыру, Земля.

Там еще теплилась какая-то — в подводных лодках, в бункерах, на дальних островах, в пещерах — жизнь. Еще шла самая короткая в истории мира война. Глохли и стушевывались генералы и садились молча, понимая, что никто не слышит их команды.

Сотни пилотов, успевших поднять машины в небо, в эти мгновения, ослепшие, сошли с ума. Их корабли вспарывали стратосферу, пролетали по ночи ракетой и валились обратно на Землю. Законы физики еще работали.

— О Господи, — шептали те, кто уцелел. — О Всемогущий!

Не к кому больше было обратиться. У всемогущих королей и президентов и у серых кардиналов вдруг не оказалось слуг. Народы увидели, что их вожди бессильны. Теперь надежды не было ни у кого. Никому в голову не приходило винить в Конце Света власть, как обычно ее обвиняли во всем, что не нравилось народу.

Люди вставали на колени и молились Богу.

А потом обрушивали на Бога проклятья — видя, как сползает мясо с костей их еще живых детей:

— Как Ты мог, Бог? Видишь ли, что Ты наделал, Господи?! Да есть ли Ты, если позволил допустить такое?!

Да есть Я, есть. А что Я мог?

Люди любят представлять Меня Кем-то вроде гроссмейстера, переставляющего на доске фигуры.

Ну хорошо, пусть шахматы...

В любой игре есть правила. Есть время на игру. Есть цель.

Жаль, говорю, люди не видят никогда себя со стороны. Хотя это несложно. Как несложно понять, что в любой игре есть — минимум — два игрока. Один делает ход — время пошло.

Вот если вместо шахмат начать на доске играть в Чапаева, то что получится? Обычно, впрочем, со Мной начинают играть в дурака.

Или если у человека нет желания выигрывать или хотя бы свести партию вничью?

Я скажу больше: пусть второй игрок садится на Мое место, сыграет за Меня. Будто с самим собой. Это довольно часто происходит в шахматах.

Кто победит?

О, эти мольбы миллиардов! Ежедневно, еженощно. Но если человек хочет стать овощем, это не значит, что Я стану помогать ему в этом. Овощей у Меня и так полно.

Хозяин ли Я вам, Бог-Вседержитель? Разумеется. Не более, впрочем, чем вы хозяева своему мозгу и воображению. Или бо-родавке. Или печени.

Часто довольно, гм, увеличенной печени...

Последним серьезным игроком был один европеец, смолоду занимавшийся наукой, но большую часть жизни посвятивший сверке чисел из Священных книг. Вот с ним Мне было интересно. Партия осталась незаконченной.

С тех пор игроки сильно измельчали и перевелись, изжулились. То есть однажды их не стало вовсе.

Люди привыкли говорить, что чувство юмора — это единственное, что их отличает от природы. Обыкновенная гордыня.

Если приглядеться, то заметно, как улыбается на солнце тыква. Особенно после дождя. Лежит и лыбится.

Но — пусть. Только перемудрили что-то люди с чувством юмора. Проохотали, проплясали Землю.

Наступил цейтнот.

Дождь из мертвых птиц обрушился на Италию, и покраснело море в Израиле, и там, где был север, стал юг. Вам бы не тратить время, выясняя, есть Я или нет, а попытаться найти ответ на вопрос, откуда взялся Бог.

Обычно Меня представляют как нечто Великое, космических масштабов, и поэтому далекое. Можно и так. Но чтобы понять Бога, надо идти в другую сторону. Я бесконечно мал.

Видели вы снегирей в морозный день? В зимний морозный день, клюющих просо из кормушки? А водопады? А рассветы и закаты на реке?

А просто зимняя дорога? Или летняя дорога. Даже не въяве, а показанная вдруг по телевизору — мелькнувшие в экране елки, сосны, колея... Что-то действительное, настоящее. А если кто-то просто хорошо поет? Разве не вздрогнет душа, не захочет человек немедленно встать и пойти, и сделать что-то важное и вечное — то есть в любви и в радости, по своим силам и сверх сил?

Есть ли еще вопросы, зачем это все было затеяно?

III.

Я спал один на громадной кровати. Постель не была расстелена. Значит, вчера я уснул, не дождавшись начала футбола Россия — Андорра, и жена выключила телевизор и ушла спать на диван в гостиную.

Одному лучше думалось. «Вселенная, — подумал я, — аналог человеческого мозга. Или наоборот».

Когда-то, в юности, я представлял нашу Землю с ее пространствами, с заводами и пароходами, полицией, политиками, атомными бомбами всего лишь косточкой в коленной чашечке какого-то Гиганта, огибающего... Что? Вопросы бесконечности в то время занимали меня более всего.

Казалось, что от нахождения ответов на эти вопросы зависит и все остальное. Смысл жизни.

И лишь сегодня, необычно рано, затемно, проснувшись, я вдруг ясно-ясно понял, что — не косточка. Не в чашечке.

Я закрывал глаза и видел точки в темноте. Эти мерцающие точки были звезды на небесном своде. Если внимательно к себе прислушаться, то было слышно, вплоть до легкого шуршания, едва заметного, как эти звезды разбегаются, и это есть процесс мышления, рождения мысли. И очень внятно понималось, что он бесконечен. Их же мириады, нервных клеток, как пишут в учебниках.

Вот тут, на этом уровне догадки, я остановился. Но те, кто знают больше, могут пойти дальше. Возможно, строение Вселенной станет нам яснее, если обратить внимание на мозг. На то, например, что он состоит из пары полушарий.

То есть я понял, что Земля — не косточка в коленной чашечке Колосса, а именно нейрон, клеточка Его мозга. Которая живет, поскольку еще не успела умереть. Они же отмирают миллиардами, пишут в тех же учебниках. Но ведь и время у Гиганта, разумеется, свое. То, что для Него секунда, для нас — вечность.

Это никак не отвечало на вопросы, не вносило ясности в смысл жизни, но создавало некую иллюзию причастности к ходу Истории, иллюзию соавторства с Колоссом. Богом.

Если сам Он — не косточка в чьей-нибудь коленной чашечке... Я усмехнулся. И пошел, сварил себе чашечку кофе. Стаканчик. Нервные клетки восстанавливаются, господа. Это неправда, что они не восстанавливаются. Обязательно!